

Неогуманизмъ, марксизм и духовныя цѣнности

Во Франціи сейчасъ много говорятъ о неогуманизмѣ. Неогуманистами хотятъ быть и католики-томисты и коммунисты. Это вѣроятно есть реакція на процессъ дегуманизации, который сейчасъ происходитъ въ мірѣ и который особенно явственъ въ фашизмѣ. Исканіе коммунистами своего собственнаго марксистскаго гуманизма есть несомнѣнный признакъ внутренняго кризиса коммунистической идеологии. Ленинъ совсѣмъ не былъ гуманистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ быть гуманистомъ Низанъ. Фашистская идеология сознательно хочетъ быть антигуманистической. Съ коммунизмомъ вопросъ стоитъ сложнѣе. Я думаю, что на русскій коммунизмъ сейчасъ имѣеть огромное и благотворное вліяніе Гитлеръ. Коммунисты не хотятъ на него походить, стыдятся этого сходства и это заставляетъ ихъ измѣняться въ направленіи постановки проблемы челоуѣка, которая раньше совсѣмъ игнорировалась. Это впрочемъ не единственный факторъ. Движеніе къ неогуманизму остро ставитъ вопросъ объ отношеніи между социальной революціей и духовными цѣнностями. Должна ли непремѣнно социальная революція отрицать духовныя цѣнности или во всякомъ случаѣ суживать сферу духовной культуры и понижать ея уровень? Въ русской революціи такъ было. Но обязательно ли это и закономерно ли, какъ утверждаютъ нѣкоторые дѣятели социальной революціи и нѣкоторые защитники духовныхъ цѣнностей? Это не есть вопросъ той или иной организации общества, это есть вопросъ того или иного пониманія челоуѣка. Въ принципѣ вполне возможно быть сторонникомъ коммунистической организации общества и понимать челоуѣка и его назначеніе иначе, чѣмъ понимаютъ коммунисты. Вопросъ о соотношеніи между социальнымъ движеніемъ, которое стремится къ созданію новаго, болѣе справедливаго общества, и движеніемъ духовнымъ, которое стремится утвердить вѣчныя духовныя цѣнности и мыслить новаго челоуѣка не только какъ социальное существо, но и какъ духовное существо, представляется мнѣ ка

пшаднымъ, основнымъ. Отъ этого зависить судьба человѣчества. Изъ защиты духовныхъ цѣнностей перѣдко дѣлали отвратительное употребленіе, при помощи духовныхъ цѣнностей защищали несправедливость, рабство и униженіе человѣка, привилегіи господствующихъ классовъ. И это вызываетъ понятную реакцію противъ духовныхъ цѣнностей. Ненависть Маркса къ религіи въ значительной степени есть ненависть къ лжи, связанной съ религіей. Марксъ никогда не говорилъ о религіи по существу, онъ говорилъ объ отвратительномъ социальномъ употребленіи религіи для корыстныхъ интересовъ. Ограниченность его пораженного социальнымъ зломъ сознания выражалась въ томъ, что онъ ничего другого въ вопросѣ религіозномъ и духовномъ не видѣлъ. Это ставить вопросъ о марксистскомъ гуманизмѣ и о его основномъ противорѣчии.

Опубликованіе *Nachlass'a* Маркса и изслѣдованіе идей молодого Маркса ясно показываютъ гуманистическіе истоки марксизма. Молодой Марксъ въ философскомъ отношеніи интереснѣе стараго Маркса. Основная его идея, изъ которой издѣла вся марксистская геніальная критика капитализма, была идея отчужденія человѣческой природы въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Пролетаризація человѣка выражается не только въ отнятіи отъ него продуктовъ его труда, но и въ отнятіи отъ него всей его тоталитарной природы. Человѣческая природа дробитъ ся. То, что есть человѣческая активность, человѣческій трудъ, представляется находящейся внѣ человѣка вещной, предметной реальностью, отъ которой человѣкъ пѣтникомъ зависигъ. Экономика представляется подчиненной непреложнымъ законамъ, какъ и весь міръ вещей. Этими непреложными законами оправдывали несправедливость и эксплуатацію. Отчужденіе человѣческой природы, человѣческой активности и труда порождаетъ рядъ иллюзій сознания въ идеологіяхъ. Марксъ разрушилъ заставанія категоріи буржуазной экономики. Онъ повсюду видигъ человѣческій трудъ и борьбу, какъ единственную первореальность социальной жизни. Съ этимъ связано замѣчательное ученіе и фетишизмъ товаровъ. Невѣрна старая интерпретація марксизма, какъ послѣдовательнаго и крайняго экономическаго детерминизма. Экономическій детерминизмъ скорѣе свойственъ буржуазной экономикѣ. Въ марксизмѣ нѣтъ ничего фаталистическаго, это есть очень актуалистическое міросозерцаніе, философія борьбы. И такому міросозерцанію совѣтъ не подходить называться матеріализмомъ, ибо матеріализмъ пассивенъ и детерминистиченъ... Матеріализмъ самого Маркса очень споренъ, этотъ матеріализмъ скорѣе есть лишь пріемъ борьбы противъ

старого идеализма. Марксъ во всякомъ случаѣ очень подчеркиваетъ активность субъекта. Его революціонность никакъ не соединена съ міросозерцаніемъ, для котораго все опредѣляется объектами, объективнымъ процессомъ. Юный Марксъ перенесъ ученіе Фейербаха объ отчужденіи человѣческой природы въ религіозныхъ вѣрованіяхъ на область социальной жизни. Предполагается, что отчуждаются отъ человѣка и его духовныя цѣнности, представляющія его высшую природу. Марксъ требуетъ возврата человѣку и прежде всего пролетарію всей полноты человѣческой природы, онъ смертельный врагъ капитализма, потому что капитализмъ превращаетъ рабочаго въ вещь, въ товаръ. Это и есть гуманизмъ Маркса. Онъ объявилъ революцію противъ капиталистическаго міра во имя человѣка, во имя его правъ на полноту жизни. И въ этой революціи особенную роль будетъ играть пролетаріатъ, потому что его природа наиболѣе отчуждена, онъ наиболѣе ограбленъ. Современная нищета пролетаріата, совершенная лишенность его человѣческой природы діалектически переходить въ наибольшее богатство, въ полную человѣчности. Таковы первоначальные истоки марксистскаго гуманизма. Марксъ требуетъ тоталитарности во всемъ. Тоталитарность и есть настоящая революціонность, какъ показываетъ Лукачъ, самый умный изъ коммунистическихъ писателей. Но это тоталитарное міросозерцаніе, заставляющее враждовать со всѣми защитниками духа и духовныхъ цѣнностей, и создаетъ самое большее затрудненіе для объединенія съ марксистами-коммунистами, даже при согласіи съ ними въ практическихъ социальныхъ вопросахъ. Но что думалъ Марксъ о человѣкѣ, какова была его антропология?

Марксъ никогда не ставилъ въ глубинѣ вопроса о человѣкѣ, онъ интересовался лишь социальной проэктіей человѣка. Человѣкъ былъ понятъ, какъ исключительно социальное существо, цѣликомъ детерминированное обществомъ. Человѣкъ для марксизма страшно активенъ въ обществѣ, но въ немъ нѣтъ никакой внутренней жизни, онъ остается двухмѣрнымъ существомъ, не имѣетъ измѣренія глубины. Въ пониманіи человѣка Марксъ остается детерминистомъ и совершенно непонятно, откуда у него берется необычайная активность человѣка и его способность къ героической борьбѣ. Въ человѣкѣ совсѣмъ нѣтъ высшей природы, нѣтъ духовнаго начала, которое давало бы ему возможность возвышаться надъ окружающимъ міромъ. Тоталитарная природа совсѣмъ не возвращается человѣку у Маркса, какъ не возвращается у Фейербаха. Природа человѣка была отъ него отчуждена, но она не возвращается человѣку въ коммуни-

стическомъ обществѣ, человекъ продолжаетъ быть ограбленнымъ, онъ остается матеріальнымъ существомъ, лишеннымъ духовнаго начала. Въ марксизмѣ совсѣмъ нѣтъ идеи личности. Марксъ составилъ свое пониманіе человека въ моментъ его ограбленности, въ моментъ отчужденности отъ него всего высшаго. «Науки и искусства», которыя, конечно, марксисты-коммунисты признаютъ, совсѣмъ еще не означаютъ признанія въ человекѣ духовнаго начала и духовныхъ цѣнностей, они могутъ быть поняты какъ служебныя въ отношеніи къ производственному процессу. Это и есть основное противорѣчіе марксистскаго гуманизма. Отчужденіе отъ человека его духовной природы продолжается, оно происходитъ не только въ капитализмѣ, оно происходитъ и въ самомъ марксизмѣ. Я не думаю, чтобы вина тутъ лежала главнымъ образомъ на марксистахъ и коммунистахъ. Я склоненъ думать, что гораздо болѣе вина лежитъ на защитникахъ духовныхъ цѣнностей, на христіансахъ. Всякій разъ, когда носители и хранители духовныхъ цѣнностей защищали отчужденіе человеческой природы отъ рабочихъ массъ, думая этицъ защитить духовныя цѣнности привилегированнаго меньшинства, они готовили полное отрицаніе духовныхъ цѣнностей въ социальной революціи. Всякій разъ, когда христіане защищали господствующіе классы, какъ охрану существующаго порядка, они готовили разгромъ христіанства и совершенное его отрицаніе. Между социальнымъ и духовнымъ движеніемъ въ мірѣ образовалась пропасть. Великой ложью было допущенное христіанами раздѣленіе между индивидуальнымъ и социальнымъ актами человека. Въ то время какъ отъ индивидуальнаго акта требовалось согласованіе съ евангельскими заветами Христа, социальный актъ считали возможнымъ подчинить законамъ и нормамъ, ничего общаго неимѣющимъ съ Евангеліемъ и заветами Христа. Христіанннн въ своихъ социальныхъ актахъ могъ быть тираномъ въ жизни политической, эксплуататоромъ въ жизни экономической. Этотъ лицемерный дуализмъ вызвалъ подозрительное отношеніе къ христіанству вообще. Съ другой стороны, та культурная элита, которая почитала себя творцомъ и хранителемъ духовныхъ цѣнностей, аристократически отдѣляла себя отъ социальной жизни и отъ народныхъ массъ и въ ней угасло сознаніе социального служенія, сознаніе профетической миссіи слова и мысли. Она не хотѣла сказать своего слова въ защиту правды въ социальной жизни. Человѣческая природа была разорвана и лишена цѣльности. Цивилизація, основанная на рѣзкомъ дуализмѣ души и тѣла, умственнаго и физическаго труда, себя исчерпала и должна быть

преодолѣна. Но социальная революція, какъ бы она не была справедливой, сама по себѣ не вернетъ человѣку цѣлостности, ибо не ставитъ въ глубинѣ проблемы человѣческой личности. Христіанская духовность была обращена къ глубинѣ человѣка, но въ ней была ущербность въ отношеніи къ жизни социальной. Духовность должна была бы быть и преобразованиемъ этой социальности, т. е. отношеній человѣка къ человѣку въ человѣческомъ «мы». Поэтому только отъ встрѣчи движенія социального и духовнаго можно ждать реинтеграціи человѣческой природы, достиженія полноты, т. е. интегрального гуманизма. Никакой нео-гуманизмъ невозможенъ безъ признанія человѣка духовнымъ существомъ, личностью, творцомъ духовныхъ цѣнностей. Но пренебрежительное отношеніе людей духа къ человѣческому тѣлу и къ его нуждамъ, къ проблемѣ хлѣба также великая ложь, претерпѣвшая заслуженную кару. Проблема «хлѣба» есть также духовная проблема. Въ этомъ религіозный смыслъ социализма. Человѣкъ есть тоталитарное существо, въ которомъ соединяются начало духовное, душевное и тѣлесное. Ничего въ человѣкѣ нельзя абстрагировать. Только такая точка зрѣнія и можетъ быть названа гуманизмомъ. Подъ гуманизмомъ я понимаю не утвержденіе самодостаточности человѣка, что было ложью гуманизма, а утвержденіе достоинства человѣка и полноты его существованія.

Гуманизмъ въ прошломъ былъ основанъ на открытіи универсальныхъ основъ человѣческой природы, универсальности разумной и моральной природы человѣка. Это было сдѣлано въ Греціи. Марксизмъ вноситъ существенныя измѣненія въ гуманистическое сознаніе. Классовая точка зрѣнія разрываетъ единство и универсальность человѣческой природы. Разумъ буржуа и разумъ пролетарія, мораль буржуа и мораль пролетарія представляются совсѣмъ разными и враждебными другъ другу. Фактически марксизмъ тутъ во многомъ правъ. Если не существуетъ классовой истины, то существуетъ классовое искаженіе истины, классовая ложь. Социальныя вліянія распространяются даже на богословское истолкованіе догматовъ, въ которомъ иногда можно открыть отраженіе социальныхъ отношеній господства и властвованія. Существуютъ социальные и психологическія условія человѣческой природы, болѣе или менѣе благоприятныя для раскрытія истины и справедливости. Универсальное не дѣйствуетъ автоматически въ человѣческомъ разумѣ, какъ думаетъ повидимому Ж. Бенда. Старый гуманизмъ обосновывался на универсальности разумной человѣческой природы.

Но гуманизмъ долженъ быть обоснованъ не на разумъ, а на цѣлостномъ духѣ. Цѣлостный же духъ нужно понимать динамически. Величайшее зло всѣхъ современныхъ тоталитарныхъ государствъ и обществъ — въ непониманіи той истины, что тоталитарнымъ можетъ быть только самъ человѣкъ, который принадлежитъ не къ одному, а къ двумъ планамъ бытія (къ царству Божьему и царству кесаря), государство же и общество можетъ быть лишь частичнымъ. Человѣкъ есть цѣнность, стоящая выше цѣнности государства, націи, общества, выше всѣхъ общностей, выше человѣка лишь Богъ. Это и есть настоящій гуманизмъ. Поэтому социальный вопросъ есть также вопросъ духовный, вопросъ о судьбѣ человѣка и о полнотѣ человѣчности. Полнота человѣчности предполагаетъ духовныя цѣнности и духовную жизнь, независимую отъ социальной среды. Но также ошибочно было бы стремиться къ полнотѣ человѣчности, игнорируя социальную сторону человѣка и социальную борьбу. Духовность вѣдрена и въ социальную борьбу. Люди духа должны дѣлать выборъ въ борьбѣ и должны возлагать на себя отвѣтственность за судьбы человѣческія. Совершенно ясно, что въ выборѣ они должны быть на сторонѣ свободы, справедливости и милосердія.

Николай Бердяевъ.